

²³ Там же, Л. 120. Этот ответ позволяет уточнить дату его рождения. В литературе встречаются утверждения, что он родился в 1838 г. (*Самарина М. А., Тагильцева Н. Н.* Последний владелец Сысертских заводов. Полевской край. Вып. 1. Екатеринбург: "Уральский рабочий", 1998., С. 126), около 1840 г. (*Микитюк В.* История народного образования в Екатеринбурге, 1998. № 1. С. 24). Но если, как пишет Соломирский, 21 июля 1905 г. ему было 67 лет, то родился он либо во второй половине 1837, либо в первом полугодии 1838 г.

²⁴ ГАСО. Ф. 128. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 123.

²⁵ Там же. Ед. хр. 1. Л. 30.

*Н. В. МЕЛЬНИКОВА,
ИИиА УрО РАН, Екатеринбург*

К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ МЕНТАЛИТЕТА НАСЕЛЕНИЯ ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ УРАЛА

В конце Второй мировой войны в мире сложилась новая военно-политическая ситуация, связанная с созданием ядерного оружия США и демонстрацией его силы в бомбардировках городов Японии. Расклад сил в мире и геополитическая стратегия страны вынуждали СССР к созданию атомной бомбы. В рамках российского атомного проекта началось строительство закрытых городов, специализирующихся на производстве ядерного оружия. Строительство проходило в условиях строгой секретности, отличалось сжатыми сроками возведения объектов, постоянным напряжением сил строителей и производственников. Специфические условия жизни в закрытом городе: отгороженность от "внешнего" мира, усиленный режим и контроль государства, внедрение новой техники и технологий, не имевших аналогов на производстве, специальный отбор населения в город, привилегированное снабжение, повышенные стандарты материально-бытового обеспечения, — все эти особенности накладывали отпечаток на психологию людей.

Своеобразие закрытого города влияло на различные сферы жизни населения, его мировосприятие. Обратимся к таким из них, как отношение к труду и уровень притязаний.

Исключительность закрытого города постоянно подчеркивалась партийными и руководящими органами: город поставлен в лучшие условия, чем любой обычный город; предприятие вооружено передовой техникой и квалифицированными кадрами; населению города созданы определенные материальные преимущества, в результате чего доходы горожан значительно превышают доходы трудящихся на обычном предприятии.¹

В результате постоянных противопоставлений обычным городам и предприятиям люди осознавали, что они выполняют почетную работу, чрезвычайно важное задание государства. С целью поддержания и развития этой мысли все партийные, советские, профсоюзные и хозяйственные организации города уделяли значительное внима-

ние идеологической работе. Регулярно выпускались “Стенды бдительности”, проводились лекции и беседы (в том числе и органами КГБ) о повышении политической бдительности, о необходимости строго соблюдать режим секретности и государственной тайны, о происках иностранных разведок и о недопустимости “непозволительной болтливости” (только за 1967 г., например, в г. Свердловск-44 такими лекциями и беседами было охвачено более 9 тысяч служащих, ИТР и рабочих).² Это порождало атмосферу тревожности, недоверия ко всему, что происходило за пределами закрытого города.

Возможно, осознание враждебности окружающего мира спланивало коллектив комбината, жителей города ради выполнения задачи Правительства, иногда даже в ущерб собственному здоровью. В то же время это порождало чувство ответственности за свою работу. Особенно ее осознавали работники основных производств, ИТР. Именно они постоянно находились в состоянии эмоционального стресса, связанного с повышенными условиями риска. Данную группу отличала эмоциональная устойчивость, способность длительное время выполнять жестко нормированную и регламентированную работу, способность к групповому взаимодействию, развитое чувство личной ответственности, высокая мотивация к качественному труду. Работники основных цехов осознавали значимость своей работы, опасность личной или коллективной ошибки и ее последствий для коллектива, предприятия и города в целом.

Большое значение для взаимоотношений в трудовом коллективе имели и такие качества, как уважение к людям, доброжелательность, честность, собранность, высокий самоконтроль. Роль вышперечисленных качеств была тем более значима, чем жестче были условия производственной системы. К ним были чувствительны все члены бригады.

Кроме личных качеств и мотивов, напряженный труд поддерживался моделью долженствования. Постоянно подчеркивалось, что жители закрытого города должны быть благодарны особому вниманию Партии и Правительства, создавшим исключительно благоприятные условия для жизни и, главное, работы в городе.³ При этом подразумевалось, что в качестве благодарности население должно отдать все свои силы, знание и опыт порученной работе. И люди, действительно, самоотверженно трудились, работая сверхурочно, по 12 — 16 часов в сутки, иногда без выходных.

Именно работа на заводе была наиболее привлекательна для жителей города в связи с более высокой заработной платой, широкой системой материального поощрения, первоочередным обеспечением жильем и, наконец, в связи с престижным социальным статусом работника завода. Считалось, что все организации и учреждения города имеют второстепенное, подчиненное положение (т.к. город построен в связи со строительством завода) и призваны обслуживать трудящихся комбината, чья работа рассматривалась как более значимая.

В целях обеспечения нормальных условий работы и жизни в городе изначально закладывалась высокоразвитая инфраструктура, как производственная, так и социальная. В первые годы строительства остро стоял вопрос обеспечения жильем. Но уже к середине 1960-х гг. более 70 % семей проживали в отдельных благоустроенных квартирах.⁴ При этом в среднем на одного человека приходилось 8 кв. м. (для сравнения — в Свердловске — 6 кв. м), что опережало общесоюзные нормы жилищного обеспечения на 8 — 10 лет.⁵ При этом строили прежде всего 3-х и 4-х комнатные квартиры и в конце 1950-х гг. было решено, что их уже более, чем достаточно и нужно переходить на 2-х и 1-комнатные.

По обеспечению детскими дошкольными учреждениями, школами и другими учебными заведениями (в том числе филиалами политехнических вузов), спортивными комплексами, учреждениями культуры, здравоохранения, торговли, общественного питания и бытового обслуживания закрытые города опережали общероссийские стандарты на 8 — 9 лет.⁶

Население активно покупало товары бытового потребления: автомобили, мотоциклы, холодильники, стиральные машины, телевизоры, что говорит о высокой покупательной способности, связанной с более высоким уровнем заработной платы при этом зарплата заводчан была в среднем на 300 руб. больше, чем, например, строителей).

Вследствие более высоких жизненных стандартов, осознания исключительности города, его горожан и выполняемой ими задачи, у населения закрытых юрдов формировался завышенный уровень притязаний.

Так, например, если для молодого специалиста с профтехническим образованием в конце 1950-х гг. заработная плата в 90 — 110 руб. означала “золотые горы”⁷ (за пределами города), то для работающих в городе заработная плата в 180 руб. считалась недостаточной и были случаи, когда люди отказывались работать под предлогом низкой заработной платы.

Действительно, в закрытом городе уровень заработной платы колебался от 265 — 400 руб. у уборщиц, до 1900 руб. — у ИТР.

Учитывая уровень жизни в городе, люди претендовали только на отдельные благоустроенные квартиры, на покупку “Волги” за год работы на предприятии, на хорошее питание и одежду, на возможность обставить свои квартиры современными гарнитурами.⁸ В то время, как официально стремление к приобретению дорогих вещей и забота о собственном материальном благополучии называлась “вещизмом” и “проявлением буржуазной идеологии и морали”⁹, жители города относились к этому явлению положительно. Завышенный уровень притязаний органично вписывался в сферу материальных потребностей и интересов населения закрытого города.

Акцентирование внимания на исключительности города, на важности задачи, возложенной государством на его население, прочно

укрепилось в сознание людей, было одной из составляющих, формирующих взгляд населения закрытого города на самих себя, оценку ими своих возможностей и притязаний, а также на отношения к труду и работе на комбинате.

¹ ЦДООСО. Ф. 4459. О. 1. Д. 1. Л. 9; Ф. 5459. О. 1. Д. 1. Л. 53, Д. 5. Л. 102; О. 16. Д. 1. Л. 80.

² ЦДООСО. Ф. 5459. О. 15. Д. 11. Л. 34, 36; Ф. 4459. О. 1. Д. 8. Л. 87.

³ ЦДООСО. Ф. 4458. О. 1. Д. 1. Л. 9; Ф. 5459. О. 1. Д. 5. Л. 102, О. 4. Д. 2. Л. 95.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4459. О. 6. Д. 53. Л. 5.

⁵ ЦДООСО. Ф. 5459. О. 4. Д. 1. Л. 101.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4458. О. 1. Д. 81. Л. 78.

⁷ ЦДООСО. Ф. 5459. О. 7. Д. 43. Л. 34.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4458. О. 1. Д. 49. Л. 23; Д. 192. Л. 112; Ф. 5459. О. 12. Д. 1. Л. 78.

⁹ ЦДООСО. Ф. 4458. О. 1. Д. 150. Л. 89; Ф. 5459. О. 12. Д. 1. Л. 78.

А. В. МОРОХИН,
НижеГУ, Нижний Новгород

ИЗ ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА (первая треть XVIII в.)

В начале XVIII в. Нижегородское Поволжье являлось одним из самых активных и многолюдных центров старообрядчества. Оплотом “старой веры” на Нижегородчине были керженские и чернораменские леса Заволжья, “удаленные от градов и привольями неутешные”. Обширные лесные пространства помогали староверам укрываться от преследования властей.

С ужесточением при *Петре I* политики по отношению к старообрядцам, с введением записи в двойной подушный оклад многие нижегородские старообрядцы были вынуждены переходить в официально православие. Судя по отчетам губернских и епархиальных властей старообрядцы в это время тысячами “обращались от раскола”. Однако это “обращение”, скорее всего, не было искренним, и многие старообрядцы даже после возвращения в лоно официальной церкви и проклятия “раскольнических ересей” продолжали придерживаться “старой веры”. Так, в 1725 г. власти Нижегородского Благовещенского монастыря доносили в Нижегородскую духовную консисторию, что содержащийся в монастырском братстве “новообращенный” от старообрядчества старец *Филарет* продолжал креститься “по раскольнически”: “Сего февраля 11 дня того нашего Благовещенского монастыря старец *Питирим* усмотрел его ..., что он на лице своем воображае крестное знамение двумя первыми персты, а не тремя, и стал ему, *Филарету*, он, *Питирим*, говорить: ради де чего ты по обращению своем ... чинишь противность и тремя персты не крестишься? И он де, *Филарет*, показал ему, *Питириму*, раскольную книгу ... и сказал, что де от *Филарет*, крестится двумя персты по той книге”.¹

© А. В. Морохин, 200